



Замѣтка о посѣщеніи Н. В. Гоголемъ Московской Духовной Академіи.

Н. В. Гоголь въ стѣнахъ Московской академіи, въ непосредственномъ, хотя и непродолжительномъ, общеніи съ студентами ея!..

Эта замѣчательная въ исторіи академіи страница кажется теперь совершенно забытой, затерянной, лишенной той яркости, которая должна бы сдѣлать ее однимъ изъ свѣтлыхъ воспоминаній академическаго прошлаго.

Гоголь явился въ академію незадолго до своей смерти, уже обезсиленный роковой душевной трагедіей, приведшей его къ печальному концу. Академическая молодежь горячо обрадовалась ему, какъ знакомому, близкому человѣку, безсмертныя произведенія котораго уже успѣли глубоко плѣнить ее. Съ обѣихъ сторонъ было сказано немного словъ. Но въ нихъ отразился истинный смыслъ происшедшаго свиданія: Гоголь питалъ интересъ къ духовной академіи подъ вліяніемъ мистическаго паэоса, аскетическаго настроенія, овладѣвшаго имъ въ послѣдніе годы жизни и постепенно заглушившаго въ немъ природный реализмъ таланта; для студентовъ онъ былъ желаннымъ гостемъ, какъ геніальный художникъ, покоровій изъ чарующей силой того самаго искусства, сознаніе грѣховности котораго привело его на путь болѣзненнаго покаянія.

Интересно воспроизвести подробности этого событія, насколько это позволяютъ имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи данныя.

Въ пятидесятихъ годахъ минувшаго столѣтія литературные интересы въ средѣ студентовъ Московской академіи

занимали далеко не послѣднее мѣсто. Произведенія корифеевъ русской литературы—Пушкина, Лермонтова, Гоголя—привлекали къ себѣ всеобщее вниманіе. Многіе студенты зачитывались этими произведеніями, заучивали ихъ наизусть, декламировали, переписывали наиболѣе любимшіяся мѣста изъ нихъ въ особыя тетради. Иногда даже устраивались импровизированные литературные вечера, на которыхъ совмѣстно обсуждалось прочитанное. Особенною популярностью и любовью среди студентовъ въ это время пользовался Гоголь. Многія выдержки изъ его повѣстей, особенно изъ „Мертвыхъ душъ“, нѣкоторые любители знали наизусть, а „Ревизора“ и „Женитьбу“ нѣсколько разъ даже играли въ занятныхъ комнатахъ. Разумѣется, игрѣ недоставало почти никакой сценической обстановки, зато не требовалась и помощь суфлера. Нельзя сказать, чтобы это увлеченіе Гоголемъ особенно правилось академическому начальству. Въ „Воспоминаніяхъ“ акад. Е. Е. Голубинскаго, записанныхъ проф. С. П. Смирновымъ и любезно предоставленныхъ имъ намъ, есть интересное указаніе на отношеніе къ Гоголю и его почитателямъ со стороны архим. Евгенія, получившаго ректорское мѣсто въ академіи въ пятидесятыхъ годахъ (1853), спустя годъ послѣ смерти Гоголя. „Ректоръ Евгенийъ—говоритъ Е. Е. Голубинскій—очень не жаловалъ Гоголя, считалъ его скалозубомъ, который занимался только тѣмъ, что осмѣивалъ смѣшное. Если ректоръ, ходя по занятнымъ студенческимъ комнатамъ, заставлялъ кого за чтеніемъ Гоголя, то дѣлалъ внушеніе, что такими пустяками заниматься не слѣдуетъ“. Однакожь, не смотря на отрицательное отношеніе начальства къ Гоголю, академическимъ студентамъ онъ представлялся еще при жизни своей въ томъ же ореолѣ, въ какомъ являлся и всему поколѣнію тогдашней русской молодежи, интересовавшейся литературой. При такомъ дружномъ увлеченіи Гоголемъ, въ средѣ наиболѣе пылкихъ поклонниковъ его таланта возникло настойчивое желаніе увидѣть его лицомъ къ лицу. Это желаніе можно считать вполне естественнымъ, такъ какъ въ академіи въ то время было извѣстно, что Гоголь иногда пріѣзжаетъ изъ Москвы въ Троицкую Лавру для поклоненія святынямъ и духовныхъ бесѣдъ съ знакомыми монахами. Бывали случаи, когда прогуливавшійся студентъ, замѣтивъ въ встрѣтившемся бого-

мольцѣ характерныя черты, напоминающія портретъ Гоголя, воображалъ и увѣрялъ, что видѣлъ самый оригиналь. Но при болѣе пристальной провѣркѣ вскорѣ обнаруживался самообманъ.

Наконецъ, желанію студентовъ суждено было осуществиться.

На страницахъ *Московскихъ Вѣдомостей* за 1860 г. (№ 114), подъ скромной рубрикой „замѣтокъ“, затерялся очень живо написанный рассказъ о посѣщеніи Гоголемъ академіи, принадлежащій В. Крестовоздвиженскому, бывшему студенту, несомнѣнному свидѣтелю рассказаннаго. По словамъ В. Крестовоздвиженскаго, студенты обязаны были визитомъ Гоголя одному почтенному наставнику академіи—отцу Ѡ. Подъ этимъ инициаломъ нетрудно прочесть имя извѣстнаго о. Ѡеодора Бухарева, бывшаго въ пятидесятыхъ годахъ бакалавромъ въ Московской академіи (1846—1854) и снявшаго съ себя въ послѣдствіи монашескій чинъ, человѣка съ необычайно „живыми способностями и горячимъ сердцемъ“¹⁾, но и съ столь же, какъ у Гоголя, печальной личной судьбой. Между Гоголемъ и о. Ѡеодоромъ завязалось знакомство на почвѣ болѣзненныхъ религіозныхъ тревогъ—съ одной стороны и живого, проникновеннаго интереса къ искусству—съ другой. Историческимъ свидѣтельствомъ ихъ отношеній являются „Три письма къ Гоголю“ о. Ѡеодора (С.-Пет., 1861). Во время своихъ пріѣздовъ въ Лавру Гоголь заходилъ въ келію молодого бакалавра, чтобы здѣсь найти облегченіе своему пошатнувшемуся душевному равновѣсію. Ему Бухаревъ читалъ и отрывки изъ своихъ „писемъ“ (Три письма, предисл., 5). Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ о. Ѡеодоръ и исполнилъ просьбу своихъ питомцевъ познакомить ихъ съ Гоголемъ. Подробности этого знакомства передаемъ словами автора указанной замѣтки.

„Судьба-ли сжалилась надъ бѣдными студентами,—рассказываетъ онъ—или, какъ говорятъ, сердце сердцу вѣсть подало, только насталъ и для студентовъ счастливый день, въ который они увидѣли, наконецъ, желаннаго Гоголя. Это было 1-го октября 1851 года. Въ послѣобѣденное время,

¹⁾ Автобіографич. записки Высокопреосв. Саввы, Архіеп. Тверскаго и Кашинскаго, Серг. Пос., 1898, т. I, стр. 307.

часа въ 4 или 5, студенты пользовались по-своему свободнымъ отъ учебныхъ занятій временемъ; одни гуляли по посаду, другіе, оставшіеся въ комнатахъ, или читали, или ходили и курили, или покоились на диванахъ и столахъ, положивъ подъ головы огромные фоліанты классиковъ и отцовъ церкви. Одинъ, помнится, игралъ на скрипкѣ. Вошедшій въ это время въ комнаты старшихъ студентовъ профессорскій слуга, по фізіономіи и пріемамъ лучшей типъ Гоголевскаго Петрушки, объявилъ, что сейчасъ придетъ отецъ Ѳ. съ *Голицынымъ*.

— Такъ что жъ?—спрашиваютъ студенты.

— Только-съ! такъ приказано сказать,—и съ этими словами вышелъ изъ студенческихъ комнатъ, гдѣ, въ ожиданіи гостя, порядокъ нисколько не измѣнился. Черезъ нѣсколько минутъ показался въ дверяхъ почтенный наставникъ студентовъ въ сопровожденіи псевдо-Голицына. Студенты встали. Нѣкоторые, видя въ незнакомомъ посѣтителѣ знакомыя черты, замѣтили вполголоса:

— Это Гоголь!

О. Феодоръ, подойдя къ группѣ студентовъ, сказалъ:

— Вы, гг., просили меня (полновѣсное спасибо тому товарищу, который передалъ почтенному наставнику единодушное желаніе студентовъ!) представить васъ Н. В. Гоголю,—я исполняю ваше желаніе.

Обращаясь потомъ къ дорогому гостю, онъ прибавилъ:

— Они любятъ васъ и ваши произведенія.

Не берусь, да и мудрено слишкомъ передать, что чувствовали въ это время воспитанники, смотрѣвшіе прямо въ лицо Гоголю, которымъ грезилъ каждый изъ нихъ, какъ грезятъ пансіонерки черными усами и эполетами. Очень естественно, что, при такой неожиданности, студенты не сказали ни слова. Молчалъ и Н. В.—чѣ. Онъ казался намъ скучнымъ и задумчивымъ. Это обоюдное молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ. Наконецъ, одинъ изъ студентовъ, собравшись съ мыслями, сказалъ за всѣхъ:

— Намъ очень пріятно видѣть васъ, Н. В., мы любимъ и глубоко уважаемъ ваши произведенія.

Н. В., сколько можемъ припомнить, такъ отвѣчалъ пріѣтствовавшимъ его *духовнымъ воспитанникамъ*:

— Благодарю васъ, гг., за расположеніе ваше. Мы съ

вами дѣлаемъ общее дѣло, имѣемъ одну цѣль, служимъ одному Хозяину... У насъ одинъ Хозяинъ.

Начавъ говорить нѣсколько потупившись, Н. В. произнесъ послѣднія слова, устремивъ глаза къ небу. Замѣтно въ немъ было какое-то смущеніе; онъ хотѣлъ сказать еще что-то, но онъ какъ будто не нашелся и вслѣдъ за тѣмъ навсегда раскланялся съ студентами, произнеся послѣднее: „Прощайте!“ Только теперь очнулись воспитанники отъ тупого чувства, въ которое повергла ихъ неожиданность появленія Н. В.; и онъ вышелъ изъ дверей академическихъ комнатъ при дружномъ, но отрывистомъ рукоплесканіи студентовъ.

Спустя мѣсяцевъ пять послѣ посѣщенія Гоголемъ Духовной Академіи, въ тѣхъ же комнатахъ и при той же обстановкѣ, безвѣстные читатели Гоголя тяжело вздыхали при вѣсти о смерти его, послѣдовавшей такъ же неожиданно, какъ неожиданно было посѣщеніе 1-го октября. Въ ближайшее каникулярное время многіе изъ нихъ, проѣзжая черезъ Москву, не миновали Даниловскаго монастыря, чтобы не остаться въ долгу у покойнаго за посѣщеніе Академіи.

Вотъ какъ любили *во время оно* Гоголя воспитанники М. Д. Академіи!“

Въ этомъ разсказѣ очевидца происшедшаго въ высшей степени живо и вполне вѣрно очерченъ грустный обликъ Гоголя послѣднихъ лѣтъ жизни съ его задумчивостью, съ его смущеннымъ взоромъ, то опущеннымъ внизъ, то устремленнымъ къ небу, съ нѣсколько приподнятымъ тономъ его рѣчи о Хозяинѣ, общемъ у него съ студентами духовной академіи.

О. Ѳеодоръ Бухаревъ въ предисловіи къ „Тремъ письмамъ къ Гоголю“ довольно глухо, въ нѣсколькихъ словахъ, упоминаетъ о фактѣ посѣщенія Гоголемъ Московской академіи („одного изъ высшихъ духовныхъ учебныхъ заведеній“), онъ также отмѣчаетъ восторгъ студентовъ и воспроизводитъ фразу Гоголя: „мы всѣ работаемъ у одного Хозяина“, но только онъ представляетъ эту фразу отвѣтомъ на кѣмъ то сдѣланное замѣчаніе, что „особенно живое сочувствіе возбуждаетъ Гоголь къ себѣ тою благородною открытостью, съ которою онъ держится въ своемъ дѣлѣ Христа и Его истины“ (стр. 5).

Воспоминаніе о посѣщеніи Гоголемъ академіи и его бе-

сѣдѣ съ студентами долгіе годы хранилось въ ихъ средѣ, передаваясь отъ поколѣнія къ поколѣнію. По словамъ проф. П. И. Казанскаго, окончившаго академію въ 1864 году, въ его студенческіе годы разсказъ этотъ былъ извѣстенъ въ академіи съ нѣкоторыми подробностями, нигдѣ не записанными. Такъ, сохранились свѣдѣнія даже о костюмѣ, въ которомъ явился Гоголь и который поразилъ студентовъ какимъ-то необычнымъ сочетаніемъ цвѣтовъ.

Въ заключеніе не лишне замѣтить о тѣхъ обстоятельствахъ, благодаря которымъ появилась на страницахъ *Московскихъ Вѣдомостей*, 8 лѣтъ спустя послѣ смерти Гоголя, замѣтка В. Крестовоздвиженскаго. Одинъ изъ студентовъ, которые съ такимъ воодушевленіемъ въ 1851 г. привѣтствовали Гоголя въ стѣнахъ Московской академіи, въ 1860 году былъ уже начальникомъ одной семинаріи. Къ этому времени онъ не только успѣлъ отречься отъ своего увлеченія Гоголемъ, но и превратился въ ожесточеннѣйшаго врага русской литературы. Нѣкто Глаголь на страницахъ *Московскихъ Вѣдомостей* въ краткой, но выразительной, замѣткѣ разсказалъ обществу о его необычной предпримчивости въ борьбѣ съ литературными интересами семинаристовъ. Какъ видно изъ замѣтки Глаголя, первымъ распоряженіемъ новаго начальника семинаріи было, чтобы никто изъ воспитанниковъ не смѣлъ читать т. н. „свѣтскихъ книгъ“. Если кто-нибудь попадался съ „свѣтской книгой“, его ставили на колѣни въ столовой во время обѣда, будь то хоть богословъ, молодой человекъ лѣтъ 22—23. Казеннокштные за такое преступленіе лишались казеннаго содержанія. Но на этомъ дѣло не остановилось. Новый начальникъ рѣшилъ сжечь всѣ „безнравственныя“ сочиненія, находящіяся въ ученической библиотекѣ, и преимущественно—Пушкина и Гоголя: Пушкина за то, что тотъ „описываетъ плотскую грѣховную любовь“, а Гоголя „за то, что иногда черкается“. Но это почему-то не удалось: вѣроятно побоялись пожара. „А славная вышла бы картина!—иронизируетъ дальше Глаголь. Представьте себѣ широкой семинарскій дворъ, костеръ и на немъ Гоголя и Пушкина, около костра семинарскихъ властей, кругомъ учениковъ. Картина заканчивается пожарными солдатами съ трубами, баграми, топорами, лѣстницами, щитами и т. п. Вамъ кажется невѣроятнымъ желаніе публично сжечь

сочиненія Гоголя и Пушкина, но что тутъ невѣроятнаго? Сто лѣтъ тому назадъ живьемъ жгли же колдуновъ, вѣдьмъ, еретиковъ и т. п., отчего же теперь не сжечь вѣдь не самого писателя еретика, а только его сочиненія!.. Видно хотятъ во что бы то ни стало остановить въ семинаріи всякое движеніе, омертвить ее, окаменить. Порадуйтесь, вы достигаете своей цѣли“. Такъ писалъ Глаголь въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (1860 г., № 62).

Въ отвѣтъ на негодующее сообщеніе Глаголя, чтобы пристыдить расхोлившагося начальника, Крестовоздвиженскій и вспомнилъ недалекіе студенческіе годы, когда вдохновенный гонитель и палачъ Гоголя вмѣстѣ съ своими товарищами былъ его почитателемъ. Онъ заканчиваетъ свой рассказъ словами: „Если въ свидѣтеляхъ рассказаннаго нами случая не только не сохранилась любовь къ Гоголю, но они еще воздвигаютъ гоненія на тѣхъ, которые читаютъ произведенія Гоголя, то или черезъ-чуръ держатся они пословицы: *Honores mutant mores!*“...

Эта исторія можетъ быть очень поучительной для многихъ начальниковъ, которые когда-то были студентами, равно какъ и для тѣхъ студентовъ, которые со временемъ будутъ начальствомъ.

Н. Т.